

ВЫХОДИТЬ

два раза въ недѣлю: по Средамъ и Субботамъ. Подписка принимается: Въ Тифлисѣ: въ редакціи газеты и въ Губернской Почтовой Конторѣ. Въ С. Петербургѣ: въ Газетной Экспедиціи С. Петер. Почтамта и, у книгопродавцевъ: Крашенинникова и Юнгмейстера. Въ Москвѣ: въ Газетной Экспедиціи Московскаго Почтамта и въ книжн. магазинѣ Готье.

КАВКАЗЪ.

ГАЗЕТА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Годовое изданіе съ пересылкою . . . 8 р. с.
Полугодовое . . . 5 » »
Для Тифлискихъ жителей, на три мѣсяца 3 » »

ОБЪЯВЛЕНІЯ
газета печатаетъ съ платою за каждую букву по ¼ копѣйки серебромъ со всѣхъ объявленій, безъ всякаго исключенія.

СОДЕРЖАНІЕ: Внутреннія Извѣстія.—Высочайшіе приказы.—Тифлисъ.—Очеркъ служебной дѣятельности Генерала Альбр. нда.—Кееноба.—Извѣстія изъ лѣсной или хвоевой шерсти.—Прѣхавшіе и выѣхавшіе.—Метеорологическія наблюденія.

КАЛЕНДАРЬ: 8-го Апрѣля: Ап. Продіана, Руфа, Флегонта и друг.—9-го, М. Евсехія, П. Вадима.—10-го, М. м. Терентія, Максима, Александра и друг.—11-го, П. Иоанна, С. М. Антипы.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

С. ПЕТЕРБУРГСЪ.

Высочайшимъ Приказомъ по Военному вѣдомству. Марта 17-го. Переводятся: По Пѣхотѣ. Азовскаго Пѣхотнаго полка Прапорщикъ *Эназе*. въ Мингрельскій Егерскій полкъ. Резервнаго баталіона Люблинскаго Егерскаго полка Прапорщикъ *Клузевъ*, въ Пѣхотный Генералъ-Фельдмаршалъ Князя Варшавскаго Графа Паскевича Эриванскаго полкъ.

18-го Марта, Увольняется въ отставку. Егерскаго Генералъ-Адъютанта Князя Чернышева полка Прапорщикъ *Графъ Коскулъ*, для излеченія болѣзни, отъ раны происходящей, въ С. Петербургъ на шесть мѣсяцевъ. Продолжается

срокъ отъпуска. 6-го Резервнаго баталіона Тифлискаго Егерскаго полка Подпоручику *Васильковскому*, для излеченія болѣзни, въ г. Кіевъ, по 10-е Юня сего года.

ТИФЛИСЪ.

Правленіе Женскаго Благотворительнаго Общества имѣетъ честь извѣстить, что лотерея въ пользу Тифлискаго училища Св. Нины, будетъ разыгрываться на шестой недѣль поста, въ пятницу 14 Апрѣля, въ домѣ Князя Намѣстника, въ 5½ часовъ вечера.

— Комитетъ Выставки имѣетъ честь просить лицъ купившихъ разныя вещи на выставкѣ, а равно и хозяевъ предметовъ не купленныхъ на

оной, явиться за полученіемъ имъ принадлежащаго, въ залу Дворянской Гимназіи. Выдача бываетъ ежедневно отъ 9 ч. утра, до 1 часа по полудни.

ИЗВЛЧЕНІЕ ИЗЪ ПРАВИЛЪ ДЛЯ РУКОВОДСТВА НАЧАЛЬНИКАМЪ КАЗАЧЬИХЪ ПОСТОВЪ НА ВОЕННО-ГРУЗИНСКОЙ ДОРОГѢ, МЕЖДУ ЕКАТЕРИНОГРАДОМЪ И ЛАРСОМЪ ВКЛЮЧИТЕЛЬНО.

Относительно проѣзда Фельдгегерей, почтъ, парочныхъ, проѣзжающихъ и слѣдованія транспортовъ.

1.) За безопасностью проѣзжающихъ и транспортовъ, также какъ и почтъ и Фельдгегерей, отвѣчаютъ Почтовые и Дистанціонные Начальники, а потому на ихъ возлагается наблюденіе, такъ какъ хищники всегда от-

КЕЕНОБА (კეენობა).

Масляница у Грузинъ, деревенскихъ жителей, не сопровождается никакими особенностями или общественными увеселеніями; за то въ чистый понедѣльникъ (первой недѣли великаго поста), Грузины тѣшатся вдоволь и тутъ происходитъ сцена довольно оригинальная, и замѣчательная потому, что она давнишняя и почти повсемѣстная въ Грузіи. Не говоря объ историческомъ происхожденіи *кееноба*, довольно замѣтить, что она установлена въ воспоминаніе какой-то побѣды Грузинъ надъ Персіанами; такъ покрайней мѣрѣ гласитъ преданіе. . . . но мы исторію не пишемъ, а вотъ въ чемъ дѣло.

На утро понедѣльника, всѣ жители деревни (*), собираются къ мѣсту, назначенному для ежедневныхъ сборищъ и совѣщаній, и тамъ почетные старики предлагаютъ обществу выбрать *кеени*, вслѣдствіе чего избирается господинъ, который особенно отличается между своими бойкостью и способностью шутить и смѣшивать всякаго; его одѣваютъ въ шубу на изнанку, на голову надѣваютъ копацъ, устроенный изъ бурки, лице мараютъ сажею; въ руки даютъ мечъ, оконечность котораго всегда украшается яблокомъ, или чѣмънибудь подобнымъ; мечъ этотъ служитъ символомъ власти и силы, потому что въ день чистаго понедѣльника *кееноба* играетъ важную роль; ему предоставляется право царя, онъ можетъ неограниченно приказывать, что угодно; всякій обязанъ преклонять колѣна, снимать шапку и отдавать всѣ возможныя почести, приличныя однимъ только ханамъ,—и горе тому, кого замѣтатъ противу *кеена* въ грубости и неучтивости, его предають наказаніямъ: бросаютъ въ грязь, обнажаютъ, колотятъ. . . . (*). Словомъ *кеени* каляфъ на одинъ день.

Вскорѣ по избраніи, *кеени* садится на эшака (*) и

(*) Обрядъ *Кееноба* совершается не только деревенскими жителями, но и высшимъ сословіемъ горожанъ. Мы жители Тифлиса не разъ были свидѣтелями этого.

Прим. Ред.

(**) Къ числу наказаній надо еще отнести приказываніе даваемое *кеени*—выколоть глаза неучтивцу; это состоитъ въ томъ, что намазываютъ сажею виновному глаза и въ такомъ видѣ представляютъ его *кеени*.

(*) Иногда *кеени* вмазывается на плечи первому появившемуся дѣтнѣ и ѣздитъ на немъ къ вѣщему удовольствію публики.

предшествуемый народомъ, отправляется по всѣмъ улицамъ селенія; процессія, сопровождаемая звуками зурны и *дильлито* (родъ барабана), визгомъ и шумомъ ребятъ,—слѣдуетъ со значкомъ впереди и обходить всѣ переулки деревни. Окончивъ шествіе, толпа располагается на возвышенномъ мѣстѣ, гдѣ *кеени* сажаются на скамью, служащую вмѣсто трона. Каждый идущій мимо, кто бы ни былъ, непременно долженъ обратиться къ *кеени*, поклониться ему и подарить что нибудь,—безъ этого никто не можетъ обойтись; въ противномъ случаѣ, достается или порядочный толчекъ въ затылокъ, или придется повалиться въ грязь, куда толкнуть строптиваго, тѣлохранителя *кеени*.—Я былъ очевидцемъ случая, въ которомъ вполне выразилась неумолимая власть *кеени*; одинъ бѣдный селянинъ проходилъ мимо, подошелъ къ *кеени* и весьма учтиво поклонившись ему, продолжалъ путь свой; но не тутъ то было.—Давай денегъ, говорятъ ему. «Нѣтъ денегъ, отвѣчаетъ онъ,— я бѣденъ, вы сами знаете, у меня только пара быковъ, три штуки тощихъ барановъ, да одна сакля, похожая на берлогу. . . . откуда я достану денегъ?» — Покрайней мѣрѣ дай намъ *нахевар-шунци* вина, не то мы тебя дубинами—*гесмихъ* (слышишь)!

Тщетно бѣдняжка — крестьянинъ умоляетъ безжалостныхъ *кеенистовъ*, которые никакъ не хотятъ отстать. Вида, что дѣло плохо, горемычный, въ послѣдній разъ пытается,—авось счастье не полагорядится; обращается къ самому *кеени* съ просьбою—отпустить его: *ашени дависъ чириме*, прости меня, помилуй не зыщи! . . .—Не хочу слушать! ты отказываешься отъ исполненія закона предковъ; ахъ ты ослиное порожденіе, развѣ не знаешь, что каждый въ этотъ день обязанъ давать мнѣ дань,—таковъ законъ: ты уголовный преступникъ! . . .

Кеени далъ знакъ и съ бѣдняги содрали шубу, которую мигомъ разорвали на мѣлкіе куски.—Теперь ты свободенъ, или куда хочешь, сказали селянину бросивъ ему доскутъя шубы. Роздосадованный бѣднякъ отправился желаваясь къ мѣстному начальнику и въ подтвержденіе справедливости жалобы взялъ оборванную шубу.

Между тѣмъ, люди окружавшіе *кеени*, раздѣлились на двѣ противоположныя партіи; обѣ партіи выпустили по одному изъ отличившихъ борцовъ, искусныхъ въ этомъ дѣлѣ—и звязалась борьба; каждая партія кри-

комъ и рукопескапіями ободрала своего атлѣта, желая чтобы побѣда осталась на ея сторонѣ; жители деревень думаютъ, что *Богъ* благословитъ побѣдителя; урочаемъ хлѣба земли той стороны, которая побѣдитъ.

Въ описываемомъ мною случаѣ, правая сторона одержала верхъ и съ большою радостью разошлась по домамъ, въ полномъ убѣжденіи, что она богата милостію Божіею и, что ей нечего уже опасаться голода въ этомъ году, будучи обезпечена хлѣбомъ, которымъ снабдитъ ее будущій урожай. . . . *Николай Берзеновъ*.

ИЗВѢСТІЯ ИЗЪ ЛѢСНОЙ ИЛИ ХВОЕВОЙ ШЕРСТИ.

—На прошлогодней Берлинской выставкѣ мануфактурныхъ произведеній, фабрикантъ Гергардтъ обратилъ особенное вниманіе публики издѣліями изъ хвоевой шерсти. Тюфяки, подушки, разные войлоки и пр., слѣдующіе изъ той шерсти, находились на выставкѣ. Эта шерсть добывается изъ хвоевъ сосенъ (*pinus silvestris*) и употребляется съ великимъ успѣхомъ для набиванія мебели и всего, на что до сихъ поръ употребляли конскую гриву, коровью шерсть, щетину и пр. Въ Силезіи, въ Гумбальштау, существуетъ фабрика, которая до сихъ поръ одна лишь приготовляла хвоевую шерсть. О преимуществѣхъ и отличныхъ свойствахъ этого издѣлія, при употребленіи повсюду, гдѣ удобно гнѣздятся извѣстныя насѣкомыя, сильно размножающіяся, особенно въ деревянныхъ строеніяхъ, не всегда тщательно очищаемыхъ, свидѣтельствуютъ, кромѣ медиковъ, и всѣ имѣвшіе случай употреблять эти издѣлія. Тюфяки, набиваемые хвоевою шерстью, могутъ, безъ перетряски и перебивки, быть мягкими и упругими отъ семи до восьми лѣтъ. Въ странѣ и мѣстахъ, гдѣ солома дороже цѣнится чѣмъ въ средней Россіи, оказалось бы отъ употребленія хвоевой шерсти еще большее сбереженіе въ цѣнности набивнаго матеріала. При фабрикаціи хвоевой шерсти получается масло, которое въ особенности хорошо дѣйствуетъ противъ ревматизма и всякихъ ломотныхъ недуговъ. Фунтъ хвоевой шерсти продается на наши деньги за 15 к. сер. Желательно и очень полезно бы было, если подобныя издѣлія были вводимы и распространяемы въ Россіи.

Хвойныя лѣса въ большомъ обиліи находятся близъ Тифлиса, отъ Приюта до турецкой границы и эта новая промышленность, могла бы здѣсь имѣть большой успѣхъ. (Ж. Садовъ)

правляются на добычу съ вечера, то, чтобы проѣзжающіе и транспорты, останавливались для ночлега, первые на почтовой станціи за 2 часа до захожденія солнца; а послѣдніе, на какомъ либо посту, если по расчету времени они не могутъ доѣхать до слѣдующей станціи или до этапнаго пункта до захожденія солнца. Этимъ же руководствоваться въ отношеніи почтъ и фельдгегерей.

2.) Послѣ этого времени пускать съ разрѣшенія ближайшаго Кордоннаго Начальника, только въ такомъ случаѣ, если по мѣстнымъ обстоятельствамъ представится возможность въ томъ; для чего и на станціяхъ отнюдь не давать лошадей, не сказавши о томъ Кордонному Начальнику, который будетъ знать когда можно пустить и когда вѣтъ.

3.) Съ ночлега, Почтовой Начальникъ отпускаетъ проѣзжающихъ или транспортъ не прежде, какъ когда выставлены уже денные пикеты и когда мѣстность осмотрѣна кругомъ. А въ туманные дни не прежде, чѣмъ возвратятся разѣзды, которые осмотрѣвъ мѣстность, дадутъ знать что ими ничего не замѣчено.

Изъ этого правила не исключается и почта.

4.) Если же Почтовые Начальники получили особыя временныя предписанія, по какому либо необыкновенному случаю, какъ на примѣр: при появленіи въ окрестностяхъ хищническихъ партій или сборищъ непріятельскихъ, или въ зимнее время когда погода совершенно препятствуетъ наблюденію съ постовъ и пикетовъ по всему протяженію дороги и т. п., въ такихъ случаяхъ, по особому распоряженію мѣстнаго Начальства, Почтовые Начальники должны задерживать: проѣзжающихъ, транспорты и почты, во всякое время, и если откроется возможность, то отправлять вмѣстѣ, когда соберется на посту покрайней мѣрѣ повозокъ шесть, тогда Поставой Начальникъ обязанъ дать достаточный для безопаснаго слѣдованія конвой.

5.) Однакоже, во всѣхъ сихъ случаяхъ, когда проѣзжающіе должны дожидаться, чтобы собралось не менѣе повозокъ отъ 6-ти до 10-ти, Поставые Начальники не должны задерживать ихъ болѣе сутокъ; по прошествіи которыхъ, обязаны отправить ихъ съ достаточнымъ конвоемъ, хотя бы число собравшихся повозокъ и было менѣе 6-ти. Также, если въ то время проходить почта или вообще такая оказія, которая по положенію всегда получаема конвоемъ, то вмѣстѣ съ оною отправлять и ожидавшихся проѣзжающихъ, или когда случится, съ этапною командою.

6.) Коммисіонерамъ, ѣдущимъ съ казенными суммами по особому открытому листу, давать конвой во всякое время дня, въ ясную погоду по 2, и въ туманную по 4 человека, не исключая ихъ впрочемъ изъ вышеписанныхъ правилъ.

7.) Затѣмъ, когда дорога обезпечена уже такимъ образомъ пикетами и разѣздами, конвой никому не давать ни въ какомъ другомъ случаѣ, исключая служащихъ особъ высшихъ классовъ, и лицъ, которымъ давать конвой предписано будетъ особо по волѣ Главнаго Начальства, т. е. Главнокомандующаго Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ, или Командующаго войсками, а то бываетъ, что лица, ѣдущія съ новыхъ ливій, изъ опасныхъ мѣстъ, имѣютъ такіе виды, въ которыхъ назначенное число конвола обременительно для казаковъ.

8.) Ночью же всякую поѣзду рѣшительно прекращать и никого не пускать, не исключая Курьеровъ, Фельдгегерей и спѣшныхъ нарочныхъ, если они не будутъ имѣть особаго предписанія за подписью Командующаго войсками на Кавказской линіи или Начальника Главнаго Штаба войскъ, на Кавказѣ находящихся.

9.) Если бы какой либо проѣзжающій нарушилъ вышеизложенныя правила и не смотря на предостереженіе Поставого Начальника при почтовой станціи, не остался ночевать, а продолжалъ путь, — то Поставой Начальникъ обязанъ записать его имя, званіе и по какому виду онъ ѣдетъ, съ тѣмъ, чтобы немедленно довести о томъ чрезъ Дистанціоннаго Начальника прямо Г. Командующему войсками; съ такими проѣзжающими, нарушающими установленное положеніе, будетъ поступлено со всею строгостію. Вмѣстѣ съ этимъ и станціонный смотритель и почтосодержатель — если вопреки приказанія Дистанціоннаго и Поставого Начальниковъ, дасть почтовыхъ лошадей проѣзжающему, отвѣчаетъ по всей строгости законовъ.

10.) Съ другой же стороны, Поставымъ Начальникамъ строго воспрещается дѣлать проѣзжающимъ какія либо притѣсненія и удерживать ихъ на посту преждевременно, когда они еще могутъ доѣхать до слѣдующей станціи за часъ до сумерокъ или не отпускать, ихъ съ

поста когда уже разсвѣло, подъ какимъ нибудь напраснымъ предлогомъ.

11.) Если бы Поставой Начальникъ опоздалъ выставить денные пикеты, и потому не выпускали бы проѣзжающаго послѣ восхожденія солнца, то проѣзжающій имѣетъ право записать свою жалобу въ книгѣ, находящейся для этого назначенія на почтовой станціи. и въ то же время жалобу свою препроводить прямо Г. Командующему войсками.

Правила эти имѣютъ быть напечатаны и разосланы на всѣ станціи и посты, гдѣ они должны быть прикрѣплены къ стѣнѣ, дабы онѣ были извѣсны всѣмъ проѣзжающимъ.

(Изъ Корп. Прик.)

ОЧЕРКЪ СЛУЖЕБНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ГЕНЕРАЛА АЛЬБРАНДА.

(Продолженіе).

Когда слѣдалось извѣстно намѣреніе Государя Императора посѣтить Эривань, Персидскій Шахъ отправилъ туда наслѣднаго принца, нынѣ царствующаго Шаха, Насеръ Едлинъ Мирзу, съ правителемъ Азербейджана Эмиръ Низамомъ, для привѣтствія Августѣйшаго сосѣда, на рубежѣ своихъ владѣній. Всѣмъ извѣстно, какія благодѣтельныя послѣдствія для сношеній нашихъ съ Персіею, имѣлъ милостивый пріемъ оказанный Его Императорскимъ Величествомъ персидскому наслѣдному принцу (*) и тутъ, между прочимъ, Государю угодно было выразить Эмиръ Низаму желаніе свое, чтобы баталіонъ, составленный въ Персіи послѣ войны нашей съ Фетъ Али Шахомъ, изъ военнопленныхъ и перебѣжчиковъ, былъ разпущенъ; чтобы русскіе солдаты, находившіеся въ составѣ его, были возвращены въ ихъ отечество и, чтобы впредъ запрещено было принимать въ персидскихъ владѣніяхъ нашихъ бѣглецовъ. Содержаніе этого Высочайшаго разговора было передано, по повелѣнію Государя Императора, Генералъ-Адъютантомъ Барономъ Розеномъ, въ Октябрѣ 1837 года, полномочному Министру нашему въ Персіи, Графу Симоничу, съ тѣмъ, чтобы онъ склонилъ Мухаммедъ Шаха исполнить справедливое требованіе нашего правительства. Шахъ находился тогда подъ Гератомъ и потому, Графъ Симоничъ, не имѣя возможности немедленно приступить къ переговорамъ по этому предмету, и не желая подвергнуть успѣхъ такого труднаго порученія промедленіямъ сопряженнымъ съ перепискою, представилъ Министерству Иностранныхъ Дѣлъ, что онъ не сомнѣвается въ согласіи Шаха, какъ только тотъ узнаетъ, что ему сообщаютъ высокую волю Государя Императора; но что, при всемъ его желаніи въ точности выполнить ее, онъ несомнѣнно встрѣтитъ сильное сопротивленіе, какъ въ начальникахъ баталіона, такъ и въ самыхъ солдатахъ, изъ коихъ многіе оставили отечество по совершеніи болѣе или менѣе важныхъ проступковъ, и что потому они побоятся возвратиться въ Россію, если нашему Правительству не угодно будетъ оказать имъ въ некоторомъ снисхожденіи при оцѣнкѣ ихъ прежней службы; тѣмъ болѣе, что при тоглашнемъ неустойчивѣ дѣлѣ въ Персіи, сопротивленіе это, можетъ для самаго Шаха быть помѣхою при исполненіи объявленной ему Высочайшей воли. Въ слѣдствіе того, 25 Января 1838 года, состоялось Высочайшее повелѣніе, сообщенное Г. Вице-Канцлеромъ Графу Симоничу, что Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволяетъ ему объявить: полное прощеніе всѣмъ воинскимъ чинамъ баталіона, изъявляющимъ желаніе возвратиться на родину; дозволеніе тѣмъ изъ нихъ, которые въ Персидской службѣ заслужили офицерскіе чины, выйти, по переходѣ чрезъ наши границы, въ отставку и, возвратиться съ куда кто пожелаетъ, съ сохраненіемъ того званія, которое онъ имѣлъ до поступленія въ

(*) Одиннадцать лѣтъ спустя, т. е. въ 1848 году, Насеръ едлинъ Мирза, за сколько дней до кончины отца, доставившей ему престолъ, самъ разсказывалъ мнѣ въ Тавризѣ, съ выраженіями живѣйшей признательности, о милостяхъ коими онъ былъ осыпанъ Государемъ Императоромъ въ Эривани.

службу Шаха и, наконецъ, принятіе на счетъ казны, всѣхъ издержекъ по выводу баталіона отъ Тавриза до границы. Для большаго же успѣха этого дѣла, Графу Симоничу разрѣшено было ѣхать лично въ лагерь Шаха.

Въ слѣдствіе этого, Графъ Симоничъ, отъ 4 Мая, изъ лагеря подъ Гератомъ, увѣдомилъ Главноуправляющаго, что Шахъ изъявилъ полное согласіе на требованія нашего правительства и что для начала исполненія воли Государя Императора, полномочный Министръ отправилъ къ Генеральному Консулу нашему въ Тавризъ два шахскіе дестихата, или собственноручныя повелѣнія, на имя правителя Азербейджана, Принца Каграманъ Мирзы и на имя Эмиръ Низама, коимъ предписывалось: собрать всѣхъ нашихъ перебѣжчиковъ живущихъ во вѣрѣйной имъ области и передать ихъ нашему Генеральному Консулу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Графъ Симоничъ изъяснялъ, что ему не кому поручить самаго вывода этихъ людей до границы и просилъ прислать кого либо съ этою цѣлью въ Тавризъ, предваряя, что со всѣмъ тѣмъ, успѣхъ этого дѣла будетъ вполне зависѣть отъ выбора кому оно будетъ поручено. Выборъ Генерала Головина палъ на Капитана Альбранда, в такъ какъ необходимость требовала большой посѣпности въ его отправкѣ, то 11-го Юня получилъ онъ предписаніе ѣхать, 15-го оставилъ Тифлисъ и 19-го былъ уже въ Тавризѣ. Но прежде чѣмъ мы приступимъ къ описанію дѣйствій Альбранда въ Персіи, мы считаемъ долгомъ сказать нѣсколько словъ о баталіонѣ составленномъ изъ перебѣжчиковъ и о значеніи ихъ въ войскахъ ихъ отечества.

Большое протяженіе границы нашей съ Персіею, необходимость содержать на разныхъ пунктахъ ея, или вблизи оттуда, значительныя воинскія команды и трудность усмотрѣть за переходомъ чрезъ сухую границу, было, до Туркманчайскаго трактата, постоянными причинами способствовавшими побѣгамъ за границу тѣхъ изъ нашихъ солдатъ, которые, совершивъ въ войскахъ, при коихъ они состояли, какое либо преступленіе, искали въ постыдномъ укрываствѣ избавленія отъ заслуженнаго ими наказанія. Такимъ образомъ, въ разныхъ мѣстахъ пограничныхъ намъ Ханствъ Персіи, образовались болѣе или менѣе значительныя зародыши русскаго населенія, которые, споспѣвъ по временамъ, съ бывшими своими товарищами, уговаривали ихъ слѣдовать ихъ преступному примѣру и облегчали имъ средства исполненія самаго побѣга. Эта основа бѣглаго населенія увеличилась военнопленными, взятыми въ 1827 году въ отрядѣ Генерала Красовскаго, въ дѣлѣ на р. Карасу, и пленными, не захотѣвшими воспользоваться разбѣгомъ, бывшимъ послѣ заключенія Туркманчайскаго трактата. Въ числѣ первыхъ перебѣжчиковъ находился вахмистръ Драгунскаго полка Самсонъ Яковлевъ Макинцевъ; онъ перешелъ въ Азербейджанъ въ самый разгаръ дѣятельности Аббасъ-Мирзы и будучи одаренъ отъ природы смѣтливимъ умомъ и твердою волею, скоро повялъ выгоду, которую онъ можетъ извлечь изъ своихъ соотечественниковъ, находившихся тогда въ Персіи и много содѣйствовалъ къ составленію изъ нихъ особаго отряда персидскихъ регулярныхъ войскъ, который поступилъ подъ его управленіе. Само собою разумѣется, что русскій солдатъ, хотя и преступный и бѣжавшій изъ своего отечества по разгулу или своеволю, былъ несравненно способнѣе къ отправленію обязанностей регулярной военной службы, чѣмъ лѣнливый Персіанинъ, не понимавшій ни пользы дисциплины, ни необходимости подчиниться ей; и потому, не трудно угадать, что наши перебѣжчики приобрѣли въ короткое время довѣріе и вниманіе персидскаго правительства, а этого было уже достаточно, чтобы придать имъ и вѣсъ и значеніе въ народѣ, выгоды, которыя они не только сохранили, но и увеличили смѣлостью и смѣткою, свойственными въ такой степени русскому чело-вѣку. Услуги оказанныя ими покойному Шаху, при вступленіи его на престолъ, еще болѣе содѣйствовали къ увеличенію ихъ значенія. Начальникъ ихъ назвался тогда Самсонъ Ханомъ и получилъ званіе Сартіба, соотвѣствующее

нашему чину Генераль-Маіора; команда же его названа была баталіономъ богатырей *نوجی ورن* и составляла предметъ особенной заботливости персидскаго правительства. Наконецъ, въ то время, когда Капитанъ Альбрандъ былъ отправленъ въ Персію, Шахъ находился подъ стѣнами Герата, большая часть русскаго баталіона сопровождала его, и въ ней то полагалъ онъ главную надежду свою на взятіе этого города, спасагося отъ занятія Персіанами, не столько афганскою храбростію защитниковъ своихъ, сколько британскою настойчивостію и энергією Потинджера, посланнаго Лордомъ Ауکلандомъ, вмѣсто войска, на помощь Яръ Мухаммеду.

Изъ этого видно, какое трудное порученіе досталось на долю Альбранда: его посылали одного, вывести толпу людей необузданныхъ, привязанныхъ множеству матеріальныхъ выгодъ къ Персіи, удерживаемыхъ отъ возвращенія страхомъ наказанія за прежніе проступки и находящихся подъ вліяніемъ ласковаго обхожденія къ заманчивыхъ обещаній правительства, принужденнаго официально отказать отъ нихъ, но не потерявшаго надежды удержать ихъ, какъ будто бы противу своей воли. Очевидно, что тутъ оставалось одно: стараться пробудить въ этихъ сердцахъ, зачерствѣлыхъ въ пороки, святыхъ чувства любви къ отечеству, вѣрѣ и Царю, никогда вполнѣ не умирающія въ русской груди; но и ихъ, безъ сомнѣнія, можно было пробудить не просто разумнымъ словомъ холоднаго убѣжденія, — ихъ надобно было разшевелить огненною рѣчью сердца, поставить въ челѣ чувственныхъ побужденій подавлявшихъ ихъ и удерживать на этой высотѣ довольно долгое время, вдохнувъ въ раскаявшихся фанатическую привязанность къ давно забытому родному; словомъ, тутъ предстояла Альбранду дѣятельность не дипломата, не военнаго человѣка, а дѣятельность пропагандиста, гдѣ умъ подчиняется сердцу, гдѣ избытокъ собственного чувства быстро передается толпѣ, которая въ лихорадкѣ увлеченія способна сдѣлать то, чему прежде она бы не вѣрила и въ чемъ послѣ не можетъ дать себѣ отчета. Такъ Альбрандъ и принялъ свою роль и выполнилъ ее съ блестящимъ успѣхомъ.

По пріѣздѣ его въ Тавризъ, Генеральный Консулъ нашъ Д. О. Кодинецъ, представилъ его правителю Азербейджана, Принцу Каграманъ Мирзѣ и Эмиръ Низаму и представилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, доставленные ему Графомъ Симоничемъ Шахскіе дестихата, о согласіи Мухаммедъ Шаха на выдачу намъ перебѣжчиковъ. Принцъ изъявилъ полную готовность содѣйствовать Альбранду къ выводу ихъ изъ Азербейджана и приказалъ Эмиръ Низаму разослать нарочныхъ по всѣмъ деревнямъ вѣреннаго ему края, чтобы собрать всѣхъ Русскихъ въ Уджанъ, обширную поляну, на коей Аббасъ Мирза построилъ лѣтній дворецъ, въ 50 верстахъ отъ Тавриза, по Тегеранской дорогѣ, куда самъ Каграманъ Мирза выѣзжалъ въ это время на лѣто. Но готовность Принца помогать намъ, была велика только на словахъ, и потому Альбранду и Консулу нашему надобно было внимательно слѣдить за точнымъ исполненіемъ отданныхъ приказаній и этой то заботливости ихъ надобно приписать, что къ концу Іюля собралось въ Уджанъ до 170 перебѣжчиковъ. Многие изъ нихъ, прежде отправленія въ лагерь Принца, приходили къ Альбранду; но самъ онъ, въ рапортѣ отъ 26 Іюля, сознается, «что угрюмое ихъ безмолвіе убѣждало его въ томъ, что недоброжелательство ихъ не было еще поколеблено». Наконецъ, 13 Августа, онъ, съ Д. О. Кодинцемъ, отправился въ Уджанъ и тамъ, перебѣжчики наши въ буйномъ безпорядкѣ окружили ихъ: Альбрандъ объявилъ имъ милосердіе Государя Императора, даровавшаго имъ полное прощеніе и долго и горячо говорилъ имъ о родинѣ. Толпа мало по малу утихла и 35 человѣкъ отдѣлились отъ нея и объявили намъреніе добровольно возвратиться въ Россію. Вдругъ двое изъ перебѣжчиковъ обратились къ остальнымъ съ возмутительною рѣчью и не только поколебали довѣріе къ словамъ Альбранда, но, желая рѣшительно мѣ-

рою отбѣить отъ него своихъ товарищей, вызывали охотниковъ для нанесенія ему и Консулу нашему оскорбленія. Тогда, видя успѣхъ этого неожиданно смѣлаго противудѣйствія, и удержавъ толпу отъ совершеннаго буйства твердостью и личнымъ безстрашіемъ, Альбрандъ долженъ былъ потребовать отъ Каграманъ Мирзы немедленнаго ареста возмутителей, и въ то же время отдѣлилъ отъ прочихъ 35 человѣкъ подчинившихся его убѣжденіямъ. Мы считаемъ излишнимъ передавать здѣсь во всей подробности и затрудненія встрѣченныя послѣ того Альбрандомъ и тѣ мѣры, которыми онъ, при ревностномъ содѣйствіи Д. О. Кодинца, успѣлъ поборотъ ихъ. Увидавъ, что главными причинами уклоненія перебѣжчиковъ отъ возвращенія на родину, были: не желаніе женатыхъ разстаться съ своими семействами, и увѣренность тѣхъ изъ нихъ, которые страшились наказанія за прежнія проступки, что персидское правительство не только не принудитъ ихъ силою возвратиться, но поощритъ сопротивленіе ихъ, Капитанъ Альбрандъ отстранилъ эти два неудобства. Первое, изхотатайствовалъ у Генерала Головина дозволеніе дать солдатамъ нашимъ, женившимся за границею, возможность вывести свои семейства, снабдивъ ихъ всѣмъ нужнымъ на дорогу, съ тою человеколюбивою заботливостію, которая составляла лучшую черту его благороднаго характера. Второе, настоявъ, чтобы самыхъ закоренѣлыхъ бѣглецовъ, на сопротивленіе и противудѣйствіе коихъ другіе смотрѣли не зная на что рѣшиться, — арестовали, чрезъ что явно было доказано, что персидское правительство рѣшилось въ точности исполнить желаніе Государя Императора. Последняя мѣра въ особенности требовала большой энергіи со стороны Альбранда и Д. О. Кодинца и, при ежеминутной измѣнчивости поведенія Принца Каграманъ Мирзы, удалась только вслѣдствіе бдительнаго вниманія ихъ, чтобы послабленія и нерѣшимость Азербейджанскихъ властей были скоро исправляемы болѣе твердыми поступками. И все бы это можетъ быть неудалось, если бы Альбрандъ не пріобрѣлъ сильнаго личнаго вліянія на большинство Русскихъ находившихся въ Тавризѣ, чрезъ которыхъ онъ дѣйствовалъ и на остальныхъ. Такимъ образомъ, ему удалось выслатъ изъ Тавриза, къ концу Октября, съ усерднымъ помощникомъ своимъ Штабсъ-Капитаномъ Дудинскимъ, 143 человѣка, въ числѣ коихъ было 64 семейныхъ, такъ, что всѣхъ, съ женами и дѣтьми, онъ склонилъ къ выходу 315 душъ. Послѣ того, онъ получилъ приказаніе ѣхать въ Тегеранъ для вывода возвратившагося туда изъ подъ Герата баталіона, находившагося въ полномъ составѣ и твердо рѣшавшагося не поддаваться ни чьимъ убѣжденіямъ къ выходу изъ Персіи. Альбрандъ прибылъ въ Тегеранъ 8-го Ноября 1838 года, вмѣстѣ съ новымъ полномочнымъ Министромъ нашимъ, Полковникомъ Дюгамелемъ и тутъ только, вполнѣ раскрылась ему вся трудность возложеннаго на него порученія. Перебѣжчики наши составляли здѣсь уже не разрозненные клочки населенія, незнакомившіеся другъ съ другомъ, и не успѣвшие приготовиться къ сопротивленію; напротивъ, они образовали здѣсь значительную и довольно хорошо вооруженную горсть людей, преданныхъ своему начальнику Самсонъ Хану, и сильныхъ безнаказанностью своего дерзкаго своеволія, между населеніемъ смотрѣвшимъ на нихъ, какъ на людей пользующихся особенною милостію ихъ слабаго, но страшнаго своею жестокостію правительства.

Къ тому же, самый составъ баталіона, гдѣ поляки имѣли и численный и нравственный перевѣсъ, враждебныя наущенія иностранныхъ агентовъ, дѣйствовавшихъ на легковѣріе перебѣжчиковъ несбыточными обещаніями содѣйствія ихъ сопротивленію, и даже въ случаѣ нужды дарованія имъ вѣрнаго убѣжища въ Багдадѣ, и, наконецъ, справедливое опасеніе Самсонъ Хана потерять свое значеніе съ выводомъ баталіона изъ Персіи, — все это дѣлало мало вѣроятнымъ успѣхъ порученія Альбранда, гдѣ нельзя было надѣяться на искреннюю помощь со стороны Персіянъ и боявшихся смѣлости на-

шихъ солдатъ, и не желавшихъ лишиться этой лучшей части своихъ регулярныхъ войскъ. Альбрандъ созналъ эти затрудненія, но рѣшился поборотъ ихъ. Скоро послѣ пріѣзда его въ Тегеранъ, пришла къ нему первая горсть бѣглецовъ; въ переднемъ ряду ихъ стоялъ угрюмый старикъ, очевидно командовавшій толпою; онъ недовѣрчиво смотрѣлъ на Альбранда, когда тотъ говорилъ имъ о милостивомъ забвеніи коему Государь Императоръ предалъ ихъ прошлую вину, когда онъ старался пробудить въ нихъ заснувшую на чужбинѣ любовь къ родинѣ, и хотя буйная толпа порывалась перебить Альбранда, старикъ повелительнымъ взглядомъ принуждалъ ее къ молчанію; но по напряженію мускуловъ блѣднаго лица его и по зловѣщему блеску впалыхъ глазъ, видно было, что не почтеніе руководило имъ въ этомъ случаѣ; но что онъ молча копилъ въ душѣ ядъ желчнаго отвѣта на рѣчь Альбранда и, давъ ему докончить, выступилъ на шагъ впередъ и голосомъ дрожащимъ отъ полноты чувства — высказалъ ему всѣ трудности службы и сравнилъ это со льготами настоящаго положенія заключилъ: «И ты за тѣмъ пришелъ сюда, чтобы сладкою рѣчью выманить насъ на муку, такъ знай же, что не сдобровать тебѣ у насъ!» и при этомъ словѣ онъ коснулся рукоятки кинжала, Альбрандъ вспыхнулъ. Больно ему было слышать вдали отъ родины хулу на нее, больно ему было видѣть горькое заблужденіе старика, выливавшееся изъ страдальческой души его въ дикихъ и сильныхъ словахъ; онъ быстро подошелъ къ нему, запахнулъ грудь свою и сказалъ: «Старикъ, ты вздумалъ стращать меня, ты думаешь, что мнѣ дорога жизнь, которою я не разъ жертвовалъ въ честномъ бою?.. такъ вотъ тебѣ моя «грудь, прозви ее, — но умирая, я заклеюю тебя «проклятіемъ за то, что ты отступилъ отъ вѣры своей, забилъ Царя и святую родину и, «что слова твои не отъ Бога, а отъ сатаны, «который губить тебя!» Какъ ни просты были эти слова, но увлеченіе Альбранда, но обнаженная грудь его, на которой кровавымъ пятномъ горѣла славная Гимринская рана, — подѣйствовали сильнѣе всякаго краснорѣчія на слушателей его. Старикъ отступилъ назадъ и затрясся. Очевидно было, что сердце его отозвалось на молодецкій поступокъ Альбранда, — темный пламень глазъ его исчезъ, въ нихъ выступили слезы, онъ упалъ на колѣна, крѣпко обвилъ руками ноги Альбранда и долго рыдалъ не могши произнести ни одного слова; наконецъ, едва внятнымъ голосомъ онъ простоналъ: «Прости, или зарѣжь меня!» Альбрандъ хотѣлъ вырваться изъ судорожныхъ объятій его, но это было невозможно, — старикъ прильнулъ къ нему и не поднимая лица отъ земли, повторялъ съ настойчивостію отчаянія тоже самое. Разстроганный до слезъ драматичностью этого положенія Альбрандъ, наклонился къ старику и положилъ ему руки на голову — простилъ его. Прощеніе это освѣтило угрюмыя дотолѣ лица всѣхъ другихъ бѣглецовъ; увлеченные примѣромъ своего вожака, они бросились къ Альбранду, цаловали его руки, плакали и въ одинъ голосъ вызывали идти съ нимъ на край свѣта.

Такимъ образомъ первый шагъ былъ сдѣланъ. Но сколько трудностей оставалось еще преодолѣть. Одною изъ главныхъ было: противудѣйствіе Самсонъ Хана, противудѣйствіе тѣмъ болѣе опасное, что какъ мы уже нѣсколько разъ замѣчали, персидское правительство не могло и даже не хотѣло употреблять никакихъ мѣръ чтобы ослабить его вредное вліяніе; а потому, Альбрандъ рѣшился видѣться съ нимъ и попросить надъ нимъ силу убѣжденія. Съ большою недовѣрчивостію принялъ его Самсонъ Ханъ въ своемъ богатомъ домѣ, окруженный приближеннѣйшими людьми своего баталіона. Альбрандъ хорошо зналъ, что этого человѣка, составившаго себѣ въ новомъ своемъ отечествѣ имя, связи и богатство, почти невозможно склонить возвратиться въ Россію, гдѣ онъ естественно долженъ будетъ потерять непремѣнно два первыхъ преимущества; но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ зналъ также, что не смотря на долгое пребываніе между мусульманами, Самсонъ Ханъ сохранилъ

горячее чувство любви къ родной вѣрѣ и что, для проявленія этого чувства онъ жертвовалъ достоинствомъ своимъ и даже рисковалъ навлечь на себя негодованіе персидскаго правительства, соорудивъ въ одной изъ Азербейджанскихъ деревень своихъ христіанскій храмъ, котораго златоверхій куполъ самаго меня поразилъ необычайностью своею въ Азербейджанѣ, среди населенія нетерпящаго явнаго или лучше гласнаго исповѣданія на какой другой религіи, кромѣ Шитскаго толка мусульманской вѣры; посему, если оставалась надежда склонить его къ возврату, то не иначе, какъ дѣйствуя на это глубокое религіозное убѣжденіе.

Альбрандъ представилъ ему тягость грѣха прінимаемаго имъ на свою душу удержаніемъ привѣданныхъ христіанъ отъ исполненія обязанностей ихъ вѣры; показалъ ему опасность, которой онъ подвергаетъ ихъ вовсе отступить отъ христіанства, увлекшись, по человѣческой слабости, обманчивыми наущеніями враговъ исповѣданія Христа, и, наконецъ, привелъ его къ сознанию, что все это онъ дѣлаетъ не изъ какого либо чистаго, безкорытнаго побужденія, а просто съ тѣмъ, чтобы вѣсколко послѣднихъ лѣтъ жизни провести въ тщеславномъ довольствѣ и копя богатства, которыя не спасутъ его ни отъ мукъ послѣдняго раскаянія, ни отъ страшнаго послѣдняго отвѣта за гробомъ. Самсонъ Ханъ не ожидалъ нападенія съ этой стороны своего завѣтнаго чувства и потому, его не трудно было поколебать. Онъ въ началѣ горячо и даже грубо спорилъ съ Альбрандомъ, желая его вывести изъ спокойствія и заставить сказать что либо, могущее служить предлогомъ къ прекращенію разговора, изъ котораго онъ чувствовалъ, что не выйдетъ побѣдителемъ; но Альбрандъ видѣлъ это и отстранилъ отъ себя, напавъ на живую струну этого стараго сердца. Тогда Самсонъ Ханъ пересталъ возражать; долго, молча слушалъ убѣжденія Альбранда и кончилъ тѣмъ, что просилъ его остановиться и не раздвигать рану поздняго сожалѣнія о побѣгѣ изъ родины, куда ему нѣтъ возможности возвратиться и поклялся не мѣшать болѣе выводу батальона изъ Персіи, уклонившись отъ прямаго содѣйствія этому дѣлу только потому, чтобы не возбудить противъ себя гнѣвъ правительства, въ службѣ котораго онъ полагалъ еще оставаться. Послѣ этого команда Альбранда стала быстро прибывать; но тогда персидское правительство, не вѣрившее въ началѣ, возможности вывода перебѣжчиковъ, стало заботиться о томъ, чтобы помѣшать ему и Шахъ, опасавшійся прямаго сопротивленія этой мѣрѣ, на которую онъ изъявилъ свое согласіе, косвенно побуждалъ батальонъ не соглашаться на возвращеніе, объявивъ торжественно на смотрѣ, что силою онъ къ тому никого не будетъ принуждать. Наконецъ, когда все это не помогло и у Альбранда собралось 153 человѣка, адъютантъ-баша, Хусейнъ-Ханъ, желая угодить своему правительству, подговорилъ 40 человѣкъ изъ нихъ къ побѣгу изъ Тегерана, съ оружіемъ и со всею боевою амунициею, думая, что этотъ примѣръ подѣйствуетъ и на остальныхъ и увлечетъ ихъ отказаться отъ объявленнаго желанія идти на родину. Но замыселъ этотъ не удался и вмѣсто того, чтобы повредить успѣху дѣла, онъ ускорилъ успѣхи его; нравственное вліяніе, пріобрѣтенное Альбрандомъ на перебѣжчиковъ, было такъ велико, что они сами открыли ему заговоръ своихъ товарищей и не только заставили ихъ отказаться отъ исполненія его, но и арестовали ихъ. Въ то же время Альбрандъ и самъ, и чрезъ Поручика Яневича, присланнаго къ нему изъ Тифлиса, старался дѣйствовать на поляковъ. Онъ доказалъ имъ ненадежность защиты обѣщанной имъ иностранными агентами,

примѣрами прошедшаго, гдѣ всѣ усилія чужеземныхъ правительствъ не могли преодолѣть твердой воли Россіи и взмѣнить ея предначертаній; указали имъ на Индію, гдѣ денежныя выгоды составляютъ главную цѣль завоевателей и наконецъ, разительнымъ примѣромъ вліянія своего на русскій отдѣлъ батальона, убѣдилъ польскія роты, что имъ нечего смотрѣть на Персію и ждать отъ нихъ покровительства. Упорство ихъ поколебалось и они скоро за тѣмъ изъявили также согласіе идти въ Россію.

Такимъ образомъ, къ Декабрю, весь батальонъ, состоявшій изъ 4-хъ холостыхъ и 1 женатой роты, въ составѣ 385 человѣкъ, добровольно подчинился Альбранду. 6-го Декабря, въ день тезоименитства Государя Императора, въ домѣ занимаемомъ батальономъ, совершенно было, армянскимъ священникомъ, молебствіе, въ присутствіи полномочнаго Министра нашего Полковника Дюгамеля и всѣхъ членовъ миссіи; послѣ чего, за обѣдомъ, даннымъ солдатамъ, Альбрандъ произнесъ имъ рѣчь, которая окончательно укрѣпила ихъ въ добромъ ихъ намѣреніи; воодушевленіе слушателей его не знало границъ, прошедшее для нихъ какъ будто бы не существовало и они, съ слезами радости благодарили Альбранда за то, что онъ помогъ имъ развязаться съ тяжкимъ впечатлѣніемъ сдѣланнаго ими проступка. Этимъ расположеніемъ людей надобно было пользоваться и Альбрандъ рѣшился выступить не теряя времени и не смотря на позднее время года и на трудность достать провіантъ и подвозочныя средства, при явномъ не желаніи правительства помочь этимъ заготовленіямъ. Но успѣхъ развиваетъ энергію и въ слабыхъ природахъ, а у Альбранда не было недостатка въ этомъ качествѣ; съ помощію самыхъ перебѣжчиковъ и при ревностномъ содѣйствіи Полковника Дюгамеля, онъ устранилъ всѣ затрудненія и 22-го Декабря выступилъ изъ Тегерана, а 7 Января 1839 года прибылъ уже въ селеніе Диза, лежащее въ 15 верстахъ недалеко г. Зенгана, т. е. совершилъ почти полъ-дороги; 14-го онъ былъ въ г. Міанѣ, а 22-го вступилъ въ Тавризъ, совершивъ такимъ образомъ, въ зимнее время, съ большимъ обозомъ, при коемъ находились женщины и дѣти, переходъ въ 700 верстѣ, безъ малѣйшей потери въ людяхъ. Отправивъ немедленно по прибытіи въ Тавризъ женатую роту впередъ, онъ раздѣлилъ остальную часть батальона на два отряда и

пославъ первый 2-го Февраля на границу, самъ выступилъ съ остальнымъ 6-го числа и 5-го Марта благополучно прибылъ со всею своею командою въ Тифлисъ. Такимъ блестящимъ образомъ окончилось это трудное порученіе. Выводъ 597 дезертировъ, 206 женъ и 281 дѣтей, всего 1084-хъ душъ, стоилъ казнѣ только 19,791 р. сер., суммы, чрезвычайно незначительной, если принять въ соображеніе трудности сопряженныя съ дальнимъ заграничнымъ походомъ, гдѣ все надобно было покупать у жителей на чистыя деньги и почти не торгуясь; и потому не должно показаться пріувеличеннымъ заключеніе самаго Альбранда въ рапортѣ, при коемъ онъ представилъ Начальнику Штаба отчетъ о сдѣланныхъ имъ расходахъ, гдѣ онъ говоритъ: «Не персидское правительство мнѣ слало дезертировъ и вывело ихъ на наши границы, — я ихъ увлекъ, увелъ въ Россію, дѣйствуя не силою войска, но нравственною силою, я не могъ обойтись безъ издержекъ; но издержки эти ничтожны въ сравненіи съ тѣми, которыя нужно было бы сдѣлать, чтобы принудить ихъ вооруженною рукою къ возврату.» Способности и усердіе показанныя Альбрандомъ при исполненіи этого порученія, не могли остаться безъ Монаршаго вниманія: 16-го Января 1839 года Государю Императору угодно было произвести его въ Майоры, 24-го Марта въ Подполковники, и въ то же время дано ему было единовременно 300 червонцевъ.

(Продолженіе впереди).

ПРИБЪХАВШІЕ и ВЫБЪХАВШІЕ.

ПРИБЪХАЛИ: 5-го Апрѣля: изъ Бѣлаго Ключа, Ген.-Майоръ *Дебу*; изъ Горіи, Надв. Сов. *Золотаревъ* и Тит. Сов. *Павловичъ*. 6-го Апрѣля: изъ Елисаветполя, Тайный Сов. Баронъ *Мейендорфъ*; изъ Горіи, Колл. Асс. Кн. *Тумановъ*; изъ Царскихъ-Колодцевъ, Майоръ *Виноградскій*. изъ Елисаветполя, Тит. Сов. *Михновичъ*; изъ Кутаиса, Кап. Баронъ *Деллингаузенъ*; изъ Магилса, Поруч. *Каменскій*; изъ Шуши, Прап. *Шахназаровъ*.

ВЫБЪХАЛИ: 5-го Апрѣля: во Владикавказѣ, Ген.-Майоръ Баронъ *Вревскій*; въ Елисаветполѣ, Кол. Сек. *Миразъ Али Акбаръ Назировъ*; въ Баку, Кол. Сек. *Матюховъ*.

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ ВЪ ТИФЛИСѢ. 1850 ГОДА.

Часы набл.	Термометръ Р°.		Сырость воздуха	Барометръ при 13 $\frac{1}{2}$ ° Р. Русск. полушп.	Направленіе вѣтра.	Состояніе неба.	Наивѣшная Темпер. Рео.
	Сухой.	Смоч.					
4-го Апрѣля.							
7 утра.	+ 6,5	+ 5,8	0,88	566,33	Ю. слаб.	пасмурно.	
12 полд.	+ 9,5	+ 8,1	0,81	565,88	Ю.В. слаб.	Пасм. и накр. дождь	
4 попол.	+ 9,2	+ 7,8	0,80	564,87	Ю.З. слаб.	Пасм. и дождь.	+ 5,8
9 веч.	+ 8,1	+ 7,1	0,85	564,92	Ю. оч. сл.	Пасмурно.	
5-го Апрѣля.							
7 утра.	+ 7,2	+ 5,0	0,66	566,56	С. слаб.	Облачно.	
12 полд.	+ 11,1	+ 7,5	0,55	564,73	— — —	Облач. мѣст.	
4 попол.	+ 12,7	+ 7,8	0,43	564,26	— — —	Обл. раз.	+ 5,7
9 веч.	+ 8,4	+ 5,9	0,64	566,90	С. слаб.	— — —	
6-го Апрѣля.							
7 утра.	+ 7,7	+ 5,7	0,70	567,98	С. слаб.	Облачно.	
12 полд.	+ 12,9	+ 8,2	0,46	567,50	С. сил.	Обл. на гор.	
4 попол.	+ 14,3	+ 8,2	0,35	567,26	— — —	— — —	+ 6,4
6 веч.	+ 11,4	+ 6,1	0,36	567,97	— — —	ясно.	

Дождя выпало 0,035 Русск. дюймовъ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

ТИФЛИСЬ 8-го Апрѣля 1850 года. Цензоръ, А. Гаевскій-Крестьяновъ. Въ Типографіи Канцеляріи Намѣстника Кавказскаго. Редакторъ О. Константиновъ.